

На правах рукописи

Хашхожева Загират Талибовна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДЕЕПРИЧАСТИЯ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации (кавказские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нальчик 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Научный руководитель – Камбачоков Адам Муштагидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры кабардинского языка ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Официальные оппоненты: **Магомедов Магомед Ибрагимович,** доктор филологических наук, профессор, директор ФГБУН «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН»
Тутарищева Мариат Каспотовна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева»

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева»

Защита состоится «26» января 2018 г. в 11.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.076.05 при ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Текст автореферата размещен на официальном сайте [http//disser.kbsu.ru](http://disser.kbsu.ru) ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Автореферат разослан « __ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета – **Чепракова Татьяна Александровна**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Особенностью деепричастия как лексико-грамматического разряда слов в языках различных типов является то, что оно вызывает много споров относительно выражаемого им значения и выполняемых функций. Как и в русском языкознании, в адыгведении существуют различные точки зрения на природу деепричастия: часть ученых придает ему статус самостоятельной части речи; другие относят к отглагольным наречиям; третьи склонны рассматривать в качестве особой формы глагола, обозначающей действие, выступающее как добавочное к основному действию, выраженному финитным глаголом.

Далеко не идентичны и взгляды на способы образования деепричастия, его морфологические и грамматические характеристики. Камнем преткновения в адыгских языках остается вопрос о способности // неспособности выполнения деепричастием (деепричастным оборотом) функций придаточного предложения в составе сложноподчиненного предложения.

Проведение системного анализа этих и других вопросов образования адыгского деепричастия, его морфологических признаков и синтаксических функций представляет, на наш взгляд, определенный интерес для восполнения имеющих место пробелов в словообразовании, морфологии и синтаксисе отглагольных форм адыгских языков.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена наличием в адыгских языках комплекса нерешенных вопросов, спорных, часто противоречивых точек зрения, связанных с сущностью и грамматическим статусом деепричастия – одного из наиболее употребительных в языке отглагольных образований, обладающего широким спектром выразительных возможностей; отсутствием сколько-нибудь последовательного описания его структурной организации, семантического наполнения и функционирования в языке; необходимостью определения роли и места деепричастия в кабардино-черкесском языке, а также важностью детального исследования деепричастия адыгских языков для пополнения знаний по общетеоретическим и частным вопросам морфологии и синтаксиса в области общего и кавказского языкознания.

Объектом исследования является деепричастие кабардино-черкесского языка.

Предметом исследования выступают морфологические категории и синтаксические функции деепричастия в кабардино-черкесском языке.

Материалом для исследования послужили тексты устного народного творчества, художественных и публицистических произведений кабардинских авторов и живая разговорная речь носителей кабардино-черкесского языка.

Целью исследования является проведение комплексного анализа структурно-семантической и функциональной парадигмы деепричастия в кабардино-черкесском языке.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Выявить структурно-семантические и грамматические особенности деепричастия кабардино-черкесского языка как особой формы глагольной парадигмы, обладающей одновременно свойствами глагола и наречия.

2. Раскрыть вербальные и адвербиальные признаки деепричастия.

3. Осветить вопросы образования деепричастий.

4. Исследовать синтаксические функции деепричастия в простом и осложненном предложениях.

5. Выявить и описать типы синтаксических отношений и синтаксической связи, существующие между деепричастием и соотносящимися с ним словоформами в составе деепричастного оборота и предложения.

6. Исследовать вопросы соотношения деепричастного оборота и придаточного предложения в кабардино-черкесском предложении.

Методы исследования. В диссертационной работе использованы традиционные лингвистические методы исследования: описательный, сравнительный, структурно-семантический, метод контекстуального анализа, а также такие исследовательские приемы, как наблюдение и обобщение.

Методологическую основу работы составили теоретические положения и методические принципы, выдвинутые отечественными языковедами по проблемам классической грамматики и вопросам теории языка (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Н.М. Шанский, В.В. Бабайцева, В.А. Белошапкова, А.В. Бондарко, М.И. Черемисина, Л.Д. Чеснокова и др.).

Научной базой диссертации явились современные научные достижения в области общего и кавказского языкознания, в первую очередь – исследования, посвященные грамматической сущности и специфическим свойствам инфинитных форм глагола. Теоретическую основу исследования составили идеи и теории ведущих адыгovedов: Т.М. Борукаева, Н.Ф. Яковлева, А.Д. Ашхамафа, М.Л. Абитова, Х.У. Эльбердова, Г.В. Рогавы, З.И. Керашевой, М.А. Кумахова, А.К. Шагирова, Х.Ш. Урусова, У.З. Зекох, Н.Т. Гишева, А.Х. Шарданова, А.М. Камбачокова, Б.Ч. Бижоева в области морфологии и синтаксиса адыгских языков.

Гипотеза исследования. Деепричастие в адыгских языках, будучи синкретичной грамматической единицей, обладает достаточно важными морфологическими категориями глагола и наречия, сближающими его со знаменательными частями речи: наличие категорий лица, числа, времени, версии, потенциализа, каузатива, совместности, союзности, транзитивности // интранзитивности и др., способность занимать в предложении синтаксическую позицию обстоятельства, сочетаться со сказуемым способом примыкания. Вместе с тем оно остается особой формой глагола, поскольку, с одной стороны, ограниченность собственных категориальных значений не дает основания относить деепричастие к полноценным самостоятельным частям речи; с другой – наличие у деепричастия ряда важнейших глагольных категорий также не позволяет относить его и к наречиям.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что в ней на основе анализа разнопланового языкового материала впервые в лингвистическом адыгovedении, где до настоящего времени не было каких бы ни было специальных исследований, посвященных деепричастию, проведено системное освещение вопросов, связанных с сущностью и природой адыгского деепричастия как лингвистической категории, характеризующейся специфической грамматической формой и синтаксической функцией; исследована ее структурно-семантическая и функциональная парадигма.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что всестороннее исследование проблем, связанных с грамматической природой деепричастия и его функционированием в кабардино-черкесском языке, вносит определенный вклад в общую теорию частей речи и изучение морфологии и синтаксиса адыгских языков. Выводы и результаты исследования способствуют продвижению работ по выявлению и идентификации особенностей деепричастия как особой грамматической категории, решению ряда дискуссионных вопросов, связанных с происхождением, становлением и функционированием деепричастия в кавказских языках.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при корректировке теоретических сведений о деепричастии адыгских языков, применены в практике преподавания кабардино-черкесского и адыгейского языков в вузе и общеобразовательной школе, в разработке курсов лекций по адыгским языкам, проведении спецсеминаров по проблемам морфологии и синтаксиса на адыгских отделениях высших и средних специальных учебных заведений Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии, а также при составлении школьных грамматик кабардино-черкесского языка.

Исходя из результатов исследования, **на защиту выносятся следующие положения:**

1. Деепричастие в адыгских языках являет собой особую форму глагола, обладающую морфологическими категориями, сближающими его со знаменательными частями речи. В то же время ограниченность данных категориальных значений не дает основания относить деепричастие к самостоятельным частям речи.

2. Деепричастие, совмещающее свойства глагола и наречия и сохраняющее в себе важнейшие признаки глагола, обладает специфическими морфологическими и синтаксическими особенностями.

3. Деепричастие может обозначать время, не связанное с грамматическим временем, выражаемым финитным глаголом.

4. Особенностью адыгского деепричастия является то, что оно может иметь собственный субъект действия, не совпадающий с субъектом финитного глагола.

5. Несмотря на наличие у деепричастия своего субъекта, ни деепричастие, ни деепричастный оборот не могут выполнять функций придаточного

предложения в составе сложноподчиненного предложения, поскольку деепричастие, не имеющее по своей природе категории наклонения и не наделенное предикатом, не может, в отличие от финитного глагола, непосредственно соотнести содержание предложения с действительностью; деепричастная конструкция только лишь характеризует основное действие, выраженное в предложении финитным глаголом.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования прошли апробацию на практических занятиях по современному кабардино-черкесскому языку на 2–3 курсах института истории, филологии и средств массовой информации Кабардино-Балкарского государственного университета, обсуждались на заседаниях кафедры кабардинского языка, были представлены в форме докладов на 12 международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях. Результаты диссертационной работы изложены в 17 научных публикациях автора общим объемом 7,4 п.л., 3 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК для публикаций результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, и 1 монография.

Структура диссертации предопределена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и условных обозначений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, определены цель, задачи, объект и предмет исследования, раскрыты научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность реферируемой работы, охарактеризована методологическая основа, изложены методы, используемые в диссертации, сформулированы гипотеза и положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы изучения деепричастия в адыгских языках» посвящена обзору научной литературы, посвященной определению сущности и природы деепричастия в общем и кавказском языкознании.

Если иметь в виду то обстоятельство, что прообразами первых грамматик адыгских языков, как и грамматик других новописьменных языков, были грамматики русского языка, а адыгское языкознание ориентировалось главным образом на достижения в области общего языкознания и в первую очередь – русистики, то очевидно, что для четкого понимания некоторых вопросов изучения отглагольных образований в адыгских языках предполагается целесообразным проследить за важнейшими моментами исследования проблем деепричастия в общем языкознании.

В русском языкознании, где имеется длительная традиция изучения частей речи, морфологическому статусу и синтаксическому потенциалу дее-

причастия уделено значительное внимание. Эти вопросы достаточно глубоко освещены в научных трудах Д.Н. Овсяннико-Куликовского (1912), А.А. Поттебни (1958), А.М. Пешковского (2001), А.А. Шахматова (1941), В.В. Виноградова (1947), Л.В. Щербы (1974), М.В. Панова (2001), Н.М. Шанского (1981), В.В. Бабайцевой (2011), В.А. Белошапковой (1977), О.Б. Сиротининой (1980), Г.А. Золотовой (1998), А.В. Бондарко (2011), Л.Д. Чесноковой (2011), Л.Р. Абдулхаковой (2007) и др. Но ввиду того, что до настоящего времени нет хронологически последовательного системного описания процесса становления и развития деепричастия и не определен грамматический статус самого деепричастия вследствие отсутствия единого общепринятого понимания частей речи и единых принципов их классификации, вопрос о роли и месте деепричастия в русском и общем языкознании еще не имеет однозначного решения.

Общепризнанным и неоспоримым является факт одновременного обладания деепричастия категориями глагола и наречия. Подобное совмещение категориальных признаков двух частей речи послужило основанием для различной трактовки грамматического статуса деепричастия. Часть исследователей русского, а вслед за ними и других языков деепричастию с различными оговорками придают статус самостоятельной части речи (Д.Н. Овсяннико-Куликовский, В.А. Богородицкий, А.А. Шахматов, М.В. Панов, И.Г. Милославский, В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова и др.). Другие относят его к гибридным частям речи (А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др.). Третьи именуют отглагольным наречием (Н.И. Греч, Л.А. Булаховский и др.). Четвертые квалифицируют как особую форму глагола, с тем лишь уточнением, что эта форма глагола у различных авторов трактуется то как неспрягаемая, то как неличная, а то как атрибутивная форма (А.А. Поттебня, Л.В. Щерба, П.А. Лекант, М.И. Черемисина, Т.А. Колосова, С.А. Кузнецов, О.М. Чупашева, авторы академических грамматик русского языка 1954 и 1980 годов издания и др.). При этом следует отметить, что в лингвистике в последнее время получила широкое распространение точка зрения исследователей, определяющих деепричастие как особую форму глагола. Это явление характерно не только для русистики, но в целом и для общего языкознания.

Противоречивыми представляются точки зрения лингвистов на морфологические признаки деепричастия в русском языке: часть исследователей (В.В. Виноградов, П.С. Кузнецов, А.Н. Тихонов, авторы «Русской грамматики» 1980 и др.) полагает, что деепричастия обладают категорией вида; другие (А.Х. Востоков, В.И. Чернышев, Т.П. Ломтев, А.А.Зализняк и др.) склонны считать, что деепричастию присуща категория времени. По справедливому утверждению Л.Р. Абдулхаковой, подобные разночтения в характеристиках деепричастия во многом связаны с трактовкой вопроса о происхождении деепричастия и его последующем развитии [Абдулхакова, 2007: 4].

Неоднозначна трактовка и синтаксических функций деепричастий и их оборотов в составе предложения. Большинство исследователей синтаксиса

русского языка сходятся во мнении о том, что деепричастия или их обороты занимают в предложении синтаксическую позицию различных разрядов обстоятельств. При этом А.С. Кузнецов считает, что деепричастие в обособленной полупредикативной конструкции выполняет функцию второстепенного сказуемого. Именно эта функция выступает для деепричастия как основная [Кузнецов С.А., 2001, 109–126].

Напротив, по мнению В.В. Бабайцевой (1979) и О.М. Чуपाшиной (2008), первичной синтаксической функцией деепричастия является функция обстоятельства. Значение добавочного (второстепенного) сказуемого у деепричастий в современном русском языке является дополнительным: основным в их семантике является значение обстоятельства (образа действия, времени, причины, условия, уступки и др. [Бабайцева, 1979: 172].

Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, Т.Г. Акимова, Т.В. Белошапкина и др. конструкции с деепричастиями рассматривают как полупредикативные, сочетающие основную и вторичную предикацию, и относящиеся к зависимому таксису, в котором соотносятся основное и второстепенное действие. [Бондарко, 1984: 77].

Таким образом, в русистике, где накоплен значительный опыт исследования частей речи, их морфологии и синтаксиса, нет до настоящего времени единого подхода к определению сущности деепричастия, его морфологического статуса и синтаксических функций. В то же время в российской лингвистической науке превалирует точка зрения, согласно которой деепричастие так или иначе относится к глагольной системе.

Если обратиться к другим языкам народов Российской Федерации, то и здесь деепричастие не осталось без внимания. Сущности и грамматической природе деепричастия в башкирском, коми, уйгурском, шорском, юкагирском, якутском языках, а также в дагестанских языках: аварском, аврском в сопоставлении с английским, бежтинским, даргинским и лакском посвятили монографические исследования Л.М. Хасанова (2010), О.И. Некрасова (2015), И. Сюй (1995), И.А. Невская (1993), А.Е. Прокопьева (2010), Е.И. Коркина (1985), П.Г. Пайзулаева (2009), С.М. Джамалудинова (2010), П.М. Бектемирова (2017), Д.Х. Магомедова (2005) и З.Г. Курбанова (2007).

Итоги проведенного нами анализа перечисленных специальных работ кавказоведов, посвященных исследованию грамматической природы деепричастия в четырех дагестанских языках, показали, что и в аварском, и бежтинском, и даргинском, и лакском языках восприятие деепричастия как «инфинитивной парадигматической формы глагола, совмещающей в себе признаки глагола и наречия, и обозначающей второстепенное действие, подчиненное главному, выраженному в предложении финитивной формой глагола», в полной мере совпадает с классическим определением деепричастия, получившим в последнее время широкое распространение в лингвистике.

Первые упоминания о деепричастии в кабардино-черкесском языке имеют место в грамматиках лингвистов-адыговедов XIX века. Ш.Б. Ногма

(1843) и Л. Люлье (1846). Первый исследователь адыгских языков Ш.Б. Ногма в работе «Начальные правила кабардинской грамматики», написанной им в 1843 г., в разделе, посвященном глаголу, выделяет деепричастия настоящего, прошедшего и будущего времени. Почти за восемь десятилетий до появления адыгской письменности и за девяносто лет до выхода в свет первой научной грамматики кабардино-черкесского языка Т.М. Борукаева [Борукаев, 1932] Ш.Б. Ногма сумел выделить общеадыгский суффикс *-у/-уэ* как основной способ образования деепричастия в кабардино-черкесском языке.

В работе Л. Люлье «Словарь русско-черкесский или адигский с краткою грамматикою сего последнего языка» автор отмечает, что деепричастие происходит от глагола с помощью аффикса *-уэ // -у* и представляет собой наречие, «выражающее постороннее действие предмета» [Люлье, 1846: 12].

Т.М. Борукаев [Борукаев 1932: 80] и Г.Ф. Турчанинов [Турчанинов, 1940: 153] вслед за Н.И. Гречем, Л.А. Булаховским и др. деепричастие именуют отглагольным наречием.

В «Грамматике адыгейского литературного языка» Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф деепричастие, наряду с причастием и наречием, относят к так называемым отглагольным именам, поскольку «отглагольные имена могут выражать название процесса действия с оттенком цели или желательности и название того же процесса с оттенком фактичности» [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 333]. В «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка», вышедшей через семь лет после указанной выше работы, Н.Ф. Яковлев уже квалифицирует деепричастие, как и его предшественники Т.М. Борукаев и Г.Ф. Турчанинов, как отглагольное наречие [Яковлев, 1948: 84]. Рассматривая временные формы деепричастия в кабардино-черкесском языке, автор выделяет деепричастия настоящего, прошедшего совершенного, давнопрошедшего совершенного, будущего фактического и будущего необходимого или возможного времени [Яковлев, 1948: 85].

При исследовании синтаксиса адыгских языков Н.Ф. Яковлев, придерживаясь логико-семантической точки зрения строения предложения, приравнивает адыгские причастный и деепричастный обороты к придаточным предложениям в русском языке, т.е. «находит» придаточное предложение там, где нет предиката, и такие предложения называет «сокращенными придаточными предложениями» [Яковлев, 1941; 1948].

Авторы «Грамматики адыгейского литературного языка» Г.В. Рогава и З.И. Керашева рассматривают деепричастие как инфинитное образование глагола, обозначающее второстепенное действие, сопровождающее основное действие предложения, выраженное финитными формами глагола [Рогава, Керашева, 1966: 327].

В фундаментальной работе М.А. Кумахова «Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков» автор рассматривает основные способы образования деепричастий с изложением истории сложения деепричастных форм [Кумахов, 1989].

В различных научных статьях, опубликованных А.Х. Шардановым по проблемам деепричастия в кабардино-черкесском языке [Шарданов, 1998; 1999; Кабардино-черкесский язык, 2006: 318-322], в тех случаях, когда субъекты деепричастия и финитного глагола не совпадают в предложении, ученый, вслед за Н.Ф. Яковлевым, придерживается мнения, по которому в подобных предложениях имеют место два предикативных центра, а следовательно, деепричастие (деепричастный оборот) приобретает в них статус придаточного предложения.

В противоположность мнению Н.Ф. Яковлева и его последователей, считавших, что деепричастные конструкции в кабардино-черкесском языке могут выполнять синтаксические функции придаточного предложения, М.А. Кумахов и К. Вамлинг отмечают, что деепричастные конструкции нельзя считать придаточными предложениями. Деепричастная (зависимая) конструкция – аргумент семантического (главного) предиката. Этот фактор является главным для отнесения деепричастной конструкции к дополнительным. [М. Кумахов, К. Вамлинг, 1998].

В исследовании «Фонетика и морфология кабардинского языка» А.К. Шагиров заостряет внимание на ряде специфических признаков кабардино-черкесского деепричастия, полнее характеризующих это отглагольное образование: на частое несовпадение субъекта, обозначаемого деепричастием, с субъектом действия глагола-сказуемого; на способность изменения деепричастия, подобно глаголу, по лицам субъекта, прямого и косвенного объектов; на формальные средства выражения категории времени в деепричастии [Шагиров, 2004].

По мнению Х.Э. Дзасежева и Х.З. Гяургиева, деепричастия образуются от глаголов с помощью аффиксов *-мэ// -тэмэ*, *-ми// -тэми*, следовательно, предложения со словоформами на *-мэ// -тэмэ* или *-ми// -тэми*, традиционно выделяемые в грамматиках кабардино-черкесского языка как придаточные, должны рассматриваться не как предложения, поскольку словоформы на *-мэ// -тэмэ*, *-ми// -тэми* являются не глаголом, а деепричастиями, и в силу этого не обладают предикативностью. Такие конструкции указанными исследователями называются распространенными членами простого предложения [Дзасежев, 1969; Гяургиев, Дзасежев, 2008]. Исследования, проведенные другими кавказоведами (М.Л. Абитовым, Х.У. Эльбердовым, Х.Ш. Урусовым, А.М. Камбачоковым и др.) ставят под сомнение корректность выводов Х.Э. Дзасежева и Х.З. Гяургиева по данному вопросу. Придерживаясь мнения последних, мы подробнее останавливаемся на этой проблеме в разделе «Деепричастный оборот и придаточное предложение» нашей работы.

Анализируя кабардино-черкесский глагол и производные от него образования, Х.Ш. Урусов определяет деепричастие как особую глагольную форму, наделенную свойствами глагола и наречия и обозначающую действие дополнительное к основному действию, заключенному в сказуемом [Урусов, 2014: 190]. Ученый впервые обращает внимание на способность деепричастия сочетаться в предложении не только со сказуемым, но и с причастием; излагает свое видение некоторых вопросов образования деепричастия, изменения его по временам, лицу и числу, а также функционированию в составе предложения.

Ю.А. Мухамеджанов выделяет две разновидности деепричастий в адыгейском языке: деепричастия, являющиеся отглагольными и отпричастными образованиями *сыкӀо пэт* – «вот я иду»; *сыкӀо пэтзэ* – «идя») и собственно деепричастия, образованные от слов с качественной и количественной семантикой (*мэкӀэ-макӀэу* – «понемногу», *цӀыкӀу-цӀыкӀузэ* – «помаленьку»). Деепричастия второго типа автор склонен рассматривать как самостоятельную часть речи (Мухамеджанов, 1972: 261; 270).

Ряд вопросов функционирования деепричастия в кабардино-черкесском языке и его диалектах рассмотрен Х.Т. Таовым [Таов, 1988: 32-33].

Исследуя синтаксис простого и сложного предложений кавказских языков, А.М. Камбачоков значительное внимание уделил морфологическим особенностям и синтаксическим функциям адыгских отглагольных образований [Камбачоков, 1997; 2000; 2008; 2011; 2015; 2017]. Ученый склонен считать деепричастие наряду с причастием и инфинитивом, и мы в полной мере разделяем эту точку зрения, только одной из разновидностей отглагольных образований, обозначающей при этом действие, выступающее как добавочное к основному действию, выраженному финитным глаголом.

Не соглашаясь с точкой зрения кавказоведов, квалифицирующих деепричастный оборот в адыгских языках как придаточное предложение, А.М. Камбачоков приходит к выводу о том, что ни деепричастие, ни его обороты в кабардино-черкесском языке не могут выступать в качестве придаточных предложений даже при наличии в их составе собственных субъектов, поскольку непременным условием существования придаточного предложения является наличие в составе такой конструкции предикативного центра [Камбачоков, 2000: 14], а деепричастие лишено такого центра.

Исследователь считает, что элементы с аффиксами *-мэ, -тэмэ, -ми, -тэми* в синтаксических конструкциях не являются деепричастиями, а представляют собой глагол в условном или уступительном наклонении в синтаксической позиции сказуемого придаточного предложения [Камбачоков, 1997: 32].

В монографии «Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке» [1997] А.М. Камбачоков впервые остановился на некоторых синтаксических особенностях деепричастия и его оборота в исследуемом языке.

Различным аспектам функционирования деепричастия в адыгских языках посвятили научные работы Х.У. Эльбердов [1958, 1959], У.С. Зекох [1963; 2002], Б.Ч. Бижоев [2003] и др.

Таким образом, исследование изученности вопросов адыгского деепричастия выявило, что деепричастие кабардино-черкесского языка как лексико-грамматический класс слов не был предметом специального монографического исследования. Некоторые вопросы, связанные с его значением, словообразованием и функционированием, были рассмотрены учеными лишь при исследовании аналогичных проблем адыгского глагола.

Во второй главе диссертации «Морфологические признаки деепричастия в кабардино-черкесском языке» исследуются грамматическая сущность, вербальные и адвербиальные признаки, способы образования деепричастия, а также деепричастный оборот и его структурные типы в кабардино-черкесском языке.

Деепричастие в исследуемом языке представляет собой особую непредикативную инфинитную форму глагола, обозначающую действие, выступающее как добавочное к основному действию, выраженному финитным глаголом. Будучи синкретичной грамматической единицей, оно обладает достаточно важными морфологическими категориями и глагола, и наречия, что дало основание некоторым адыговедам считать его самостоятельной частью речи, а другим – отнести к наречиям. Так, деепричастие сохраняет в себе в полной мере глагольные формы лица, числа, времени, отрицания, каузатива, версии, потенциалиса, союзности, совместности, взаимности и переходности // непереходности. В структуре деепричастной словоформы сохраняется та же дистрибуция словообразовательных и словоизменительных морфем, действующая в исходной глагольной словоформе. Глагольная словоформа фактически без изменения в своей структуре трансформируется в деепричастную форму при помощи суффиксов *-у, -уэ* и образованных с их участием других деепричастных аффиксов. Но несмотря на сохранение деепричастием практически всех морфологических категорий глагола (за исключением категории наклонения), мы считаем, что его неправомерно относить к самостоятельным частям речи ввиду ограниченности его собственных категориальных значений. А сохраняемые им указанные морфологические свойства не являются специфическими только для него качествами, принадлежащими исключительно ему, деепричастию, а общими категориями, охватывающими все глагольные формы кабардино-черкесского языка.

Отнесение деепричастия к наречиям ввиду идентичности способа их образования с помощью суффикса *-у// -уэ* или способности деепричастия, как и наречия, выступать в предложении в качестве различных разрядов обстоятельств, а со сказуемым сочетаться способом примыкания нам также представляется не корректным. Объединению деепричастия с наречием препятствуют различное их происхождение, словоизменительные способности, наличие процессуального признака действия у деепричастия и отсутствие такового у наречия. Деепричастия и наречия, образованные с помощью суффикса *-у// -уэ*, следует считать лишь грамматическими омонимами.

Таким образом, деепричастие в кабардино-черкесском языке является только особой формой инфинитного глагола, поскольку, с одной стороны, ограниченность собственных категориальных значений не дает основания относить его к самостоятельным частям речи; с другой – наличие у деепричастия многих важнейших глагольных категорий не позволяет причислять его и к наречиям.

Вместе с тем, независимо от того, считать деепричастие самостоятельной частью речи, разновидностью наречия или особой формой инфинитного глагола, оно представляет собой самостоятельный грамматический класс, обладающий достаточно полным набором грамматических категорий.

Спряжение деепричастия в кабардино-черкесском языке может происходить по лицу как субъекта, так и прямого, и косвенного объектов: *Сэ с-ы-кIуэжу* (1 лицо субъекта) *фызыжсьыр тIэкIу згъэпцэфIэн хуейщ* (Ж.Б.). «Я, вернувшись домой, должен велеть старухе приготовить обед». *Уэ у-гъэшауэ* (2 лицо субъекта) *мэкъу уоуэр*. «Ты, согнувшись, косишь траву». *Сэ фэ ф-ы-з-мыльэ-гъуауэ сокIуэж* (1 лицо субъекта и 2 лицо прямого объекта). «Я уезжаю, не увидев вас». *А напIэзыпIэм лIым зыкъы-с-хур-ц-гъэзэкIыурэ* (3 лицо субъекта и 1 лицо косвенного объекта) *и кIэрахъуэр кърпхъуэтац* (Ту.ж.). «В это мгновение мужчина, поворачиваясь (в мою сторону), выхватил пистолет». Такая особенность адыгского деепричастия стала причиной разногласия между исследователями адыгских языков по поводу отнесения // не отнесения действия, содержащегося в деепричастии, к субъекту финитного глагола. Одни ученые считают, что собственно деепричастиями являются те отглагольные словоформы, в которых содержится действие, относящееся к субъекту финитного глагола. Например: *Седжэурэ сыжэяц* «Я, читая, заснул». Здесь и субъект деепричастия, и субъект финитного глагола совпадают. В языке более употребительной является именно такая конструкция.

Вместе с тем, достаточно широкое распространение получили и синтаксические конструкции, в которых деепричастие, как и финитный глагол, имеет собственный субъект действия, что привело некоторых казаведов (Н.Ф. Яковлев, А.Х. Шарданов, Н.Н. Зекореев) к признанию наличия у таких предложений двух предикативных центров: *ЩIалэ цIыкIуымIри къ-а-хэсу унэм цIэст Ерули, Бэлаци, нэгъуэщIу абы кърпхъэллахэри я гъусэу* (КI.А.) «В доме находились (букв. сидели) Ерул, Баляца и другие, с ними сидели (букв. сидя) два мальчика». В первой части предложения словосочетание *щIалэ цIыкIуымIри* «два мальчика» является субъектом деепричастия *къ-а-хэсу* «сидя»; во второй части собственные имена существительные *Ерули, Бэлаци* «Ерул и Баляца» являются субъектом финитного глагола-сказуемого *цIэст* «сидели (в доме)».

В этом отношении показательно замечание А.Х. Шарданова: «Очень часто действие деепричастия относится к одному субъекту, а действие финитной формы глагола к другому субъекту. В таких конструкциях деепричастие не является обозначением второстепенного (добавочного) действия, а проявляет известную самостоятельность, образуя второе ядро предложения. Существование двух ядер является основанием для утверждения, что подобное предложение сложное» [Шарданов 1999: 118–119]. Приведенное выше положение А.Х. Шарданова нам представляется не совсем корректным ввиду того, что деепричастие, не имеющее по своей природе категории наклонения и не наделенное предикатом, не может, в отличие от финитного глагола,

непосредственно соотносить содержание предложения с действительностью. И поскольку нет непосредственной соотнесенности с действительностью, то и нет предикации. Конструкция, не обладающая признаком предикативности, не является предложением. Следовательно, деепричастные конструкции нельзя считать придаточными предложениями. Несмотря на наличие у деепричастия своего субъекта действия, вся деепричастная конструкция только лишь характеризует основное действие, выраженное финитным глаголом.

Спряжение неразрывно связано с категорией числа. В деепричастиях адыгских языков, как и в глаголе, эта связь проявляется в том, что категория числа выражается личными префиксами, одновременно являющимися показателями единственного или множественного числа: *с-еджэу с-ыщыст* «я, читая, сидел» (1 л., ед. ч.); *д-еджэу д-ыщыст* «мы, читая, сидели» (1 л., мн. ч.); *у-еджэу у-ыщыст* «ты, читая, сидел» (2 л., ед. ч.); *ф-еджэу ф-ыщыст* «вы, читая, сидели» (2 л., мн. ч.).

Если выражение числа транзитивных и интранзитивных глаголов и деепричастий первого и второго лица, а также транзитивных глаголов и образованных от них деепричастий третьего лица осуществляется соответствующими личными префиксами *с-, д-, у-, ф-, е-(и-), я-*, то обозначение формы третьего лица интранзитивных глаголов и деепричастий значительно отличается от предыдущих форм. Это связано с отсутствием показателя (личных аффиксов) 3-го лица, а значит, и числа в данной форме у этого типа глаголов и деепричастий: деепричастие и финитный глагол имеют только так называемую нулевую префиксацию. В этом случае множественное число обозначается с помощью аффикса *-хэ*: *лэжъя-хэ-иц* «работали», *лэжъя-хэ-у* «поработав». Сравн.: *унэ-хэ-р* «дома», *фЫцІэ-хэ-р* «черные». При этом аффиксом множественного числа оформляются, как правило, и субъект действия, и деепричастие, и финитный глагол-сказуемое: *Си адэмрэ си кьуэшымрэ мы сыхьэтым Іуэицхьу-хэ-урэ, щэІу-хэ-урэ жей-хэ-рт* (Щ.А.) – «Мой отец и мой брат в этот час спали, разговаривая во сне (букв.: бредя) и постанывая».

Вместе с тем множественное число может быть выражено несмотря на отсутствие суффикса множественного числа *-хэ* в структуре либо финитного глагола, либо деепричастия, либо одновременно финитного глагола и деепричастия. Такие синтаксические конструкции вполне укладываются в нормы современного кабардино-черкесского языка. Ср.: *Ахэр псалъэ-хэ-у щыс-#-т* «Они разговаривая сидели. Букв.: Они разговаривая (мн.ч.) сидел (ед.ч.)». – *Ахэр псалъэ-#-у щыс-хэ-т* «Они разговаривая сидели. Букв.: Они разговаривая (ед.ч.) сидели (мн.ч.)». – *Ахэр псалъэ-#-у щыс-#-т*. – «Они разговаривая сидели. Букв.: Они разговаривая (ед.ч.) сидел (ед.ч.)». Отсутствие в каком-либо члене предложения аффикса *-хэ* не отражается на семантике предложения и не нарушает его коммуникативной целостности. Оформление суффиксом множественного числа деепричастия и (или) финитного глагола в рассматриваемых типах предложений носителями языка воспринимается избыточным.

Единственное число в предложениях номинативной конструкции выражается одновременным отсутствием суффикса множественного числа *-хэ* в составе и субъекта, и деепричастия, и финитного глагола: *Усыб-# мыжей-#-уэ, зэ зы джабэмкIэ, зэм адреймкIэ зигъазэ-#-у куэдрэ хэлыа-#-иц* (М.Е.) «Усуб долго лежал, не засыпая, ворочаясь то на один бок, то другой». *ЩIэлэ цIыкIу-#-р дэлыей-#-уэ Iужыжса-#-иц* «Мальчик подпрыгивая убежал прочь».

Деепричастиям в кабардино-черкесском языке присущи значения прошедшего и настоящего времени безотносительно к временной форме финитного глагола, и относительное время, которое соотносится со всеми временными формами финитного глагола. Деепричастия, образованные с помощью аффикса *-у*, употребляются в форме настоящего времени: *Мыщафэ Iэрымьлэхьэ гуацэр цумыгъэгугь, уи ныбжьэггьэ уцыгугьы-у мыцэм уемьбэн* (Пс.) «Не обнадеживай княгиню шкурой неубитого медведя, не борись с медведем, надеясь на своего друга». Деепричастия настоящего времени на *-у* соотносятся с финитными глаголами всех трех форм времен: *уджэггу уцысыц* «ты играя сидишь», *уджэггу уцысац* «ты играя сидел», *уджэггу уцысынуц* «ты играя будешь сидеть».

Деепричастия, образованные с помощью аффикса *-уэ*, употребляются в форме прошедшего времени: *ЗэщIэцтхьа-уэ нартыжсхэр кьум гьуэгужьым кьытонэ* (Н.) «Замерзнув, нарты остались на пустынной дороге». Деепричастие на *-уэ*, как и деепричастие на *-у*, может сочетаться с финитными глаголами в форме настоящего, прошедшего и будущего времен: *кьыкIэрыхуа-уэ цIохьэр* «заходит опоздав», *кьыкIэрыхуа-уэ цIыхьаиц* «зашел опоздав», *кьыкIэрыхуа-уэ цIыхьэнуц* «зайдет опоздав».

Деепричастие на *-урэ* находят применение в языке только в форме настоящего времени: *Къалэм кьакIуэ-урэ ар и ныбжьэггьум цIэуицIэрт*. «Приезжая в город, он навещал друга». *Шы нэхь дахэхэр къаццху-урэ Iуашырт* (К.Т.) «Покупая, уводили наиболее пригожих коней».

Х.Ш. Урусов отмечает, что в исследуемом языке имеет место употребление деепричастий и в форме будущего времени: *Тепцэчыр къехуэхыну (къехуэхын кьудейуэ) тебгъэувац стIоным* [Урусов, 2014: 193]. «Ты поставил тарелку на стол так, что она может упасть (примерн.: Ты поставил тарелку на стол будет падая)». Носителями современного кабардино-черкесского языка такие синтаксические конструкции употребляются значительно реже.

Традиционным способом отрицания в деепричастных формах кабардино-черкесского языка является префикс *мы-*: *я-мы-лъагъуу* «не увидев», *зэха-мы-хьу* «не услышав». В языке встречаются конструкции со спаренными деепричастиями, особенность которых заключается в том, что спариваются, по существу, основы одних и тех же деепричастий. При этом препозитивное деепричастие сочетается с постпозитивным с помощью суффикса *-и*, а постпозитивное деепричастие оформляется префиксом отрицания *мы-*: *Жэмал сыхьэт псо кьыщыхьуа дакьикьэр игъэкIуац, къэгубжьсау-и къэ-мы-губжьсауэ, лъалуу-и мы-лъалуу, ауэ а тIум цыиц Iыхьы зыхэт плъэкIэжIэ*

цхъэгъусэм и нэгү иплъэу. «Жамал выдержал показавшуюся ему часом мину-ту, сердиться не сердясь, просить не прося, но всматриваясь в лицо жены взглядом, в котором сочетались и то и другое чувство». Семантическая их особенность заключается в том, что в результате сочетания положительной и отрицательной форм деепричастия формируется новое значение, в котором отрицательное, негативное составляющее превалирует над положительным. С формальной стороны они необычны в том отношении, что в одном пред-ложении, характеризуя одно и то же сказуемое, функционируют два одно-типных (однокоренных) обстоятельство, не являющиеся при этом на синтак-сическом уровне однородными членами предложения, а выступающие, ско-рее, как единое составное обстоятельство образа действия.

К анализируемым типам предложений структурно близки и такие кон-струкции, в которых имеются деепричастия в положительной и отрицатель-ной форме, но при этом действия, выражаемые ими, осуществляются или подлежат осуществлению последовательно: *Мыр дгъэгъуэлъу адэ дыще-мыІэзауэ зэфІэкІыну Іуэхукъым* (Хь.С.) «Это не обойдется иначе, как поло-жить его (в больницу) и лечить там (букв.: Это не обойдется иначе, как поло-жа-леча его (в больнице)». В таких предложениях оба деепричастия высту-пают как один член предложения – обстоятельство образа действия.

Морфологические средства выражения категорий версии, потенциа-лиса, союзности, совместности, взаимности и каузатива у деепричастий и финитных глаголов в исследуемом языке идентичны.

Категория переходности // непереходности является основной грамма-тической категорией финитных и инфинитных глаголов кабардино-черкес-ского языка. Она присуща всем типам глагольных словоформ. Иными слова-ми, все глаголы кабардино-черкесского языка являются либо переходными, либо непереходными. В языке встречается несколько так называемых нейтральных (диффузных) глаголов, которые могут быть как переходными, так и непереходными, имеющие, по определению А.С. Чикобава, лабильную конструкцию [Чикобава, 1961]. Это глаголы типа *вэн* «пахать», *сэн* «сеять», *Іуэн* «молотить», *пцІэн* «полоть», *хэн* «жать», *тІэн* «копать», *дэн* «шить».

В структуре деепричастной основы могут содержаться все типы сло-воизменяемых и словообразовательных аффиксов глагола, от которого образовано деепричастие.

В реферируемой диссертационной работе исследуются и вопросы ад-вербиализации деепричастий. Образование наречий от деепричастий, имею-щее достаточно широкое распространение в языках различных типов, харак-терно и для адыгских языков. Деепричастие и наречие настолько тесно со-прикасаются по своим словообразовательным, семантическим и функцио-нальным признакам, что первые нередко переходят в разряд наречий. Из всех существующих в кабардино-черкесском языке деепричастных форм наречия образуются только от деепричастий, образованных с помощью суффиксов *-у // -уз*: *Мэкъумылэр зэгъэгъуауэ етын хуейц Іэцым* (Л.гъу.). «Корма следует

скармливать скоту расчетливо (экономно)». *Нышэдибэ жьыуэ мэзым пхъаиэ клуа лыр хэклүэтауэ кьэсыжащ.* «Мужчина, который ранним утром поехал в лес за дровами, вернулся поздно». Производные от деепричастий наречия характеризуются тем, что они не употребляются с провербами с различными пространственными, временными и иными значениями; не могут образовать деепричастный оборот; не выражают значения добавочного действия, сопутствующего действию, выраженному финитным глаголом; в них полностью или частично отсутствуют грамматические категории, которыми обладает деепричастие. В отличие от деепричастия, координирующегося с субъектом действия, прямым и косвенным объектами способом согласования, отглагольные наречия лишены такой возможности: их важнейшим признаком при сочетании с другими членами предложения является абсолютная неизменяемость.

В языке нередко встречаются устойчивые речевые и фразеологические сочетания, в состав которых входят деепричастия, перешедшие в наречия: *Лыр сыт хуэдэу нэцлэмьытами, фыз хуэмыхум и унагьуэ кьалэнхэр Гэхьуэгьуэтегьэклүу игьэзацлэрт* (А.т.). «Как муж ни старался противостоять этому, нерадивая жена выполняла работу по хозяйству спустя рукава». *Шыдыгьухэм ирахужьа хаклүэр псым зэпрахуа кьудейуэ, пхьэрыр, я шыкГэ мафГэ егьэуауэ, абыхэм якГэлысащ.* «Только конокрады переправили через реку похищенного жеребца, преследователи мгновенно (букв.: словно хвосты их коней объяло пламенем) их нагнали».

По вопросам образования деепричастий в адыгском языкознании существуют различные точки зрения. Исходя из этого, адыгские отглагольные словоформы можно разделить на две группы: словоформы, признаваемые всеми специалистами как деепричастные, и словоформы, признаваемые деепричастными только частью специалистов. К первой группе можно отнести отглагольные формы, образованные с помощью суффиксов *-у/-уэ, -урэ // -уэрэ, -рэ*; ко второй – глагольные словоформы, имеющее в своем составе суффиксы *-ри, -мэ, -ми, -кГэрэ*.

Основным общеадыгским аффиксом, с помощью которого образуется деепричастие, является суффикс *-у/-уэ*, которым оформляются основы статических и динамических, переходных и непереходных глаголов: *Лу цэху цлыклуу унэм кьыщлхьэри бжэкьуагьым деж шыт шэнт цхьэгьуэм тетлхьсхьа-уэ шысщ* (К.А.). «Лу тихонько зашел в дом и, присев на стоявшую в углу табуретку, сидит». *Софят икли зэгьун-у, икли гузавэ-у шытци* (Ш.И.). «Софят и досадуя и переживая стоит». Деепричастия на *-у/-уэ* могут обозначать действие, совершаемое перед, во время или после действия, выраженного финитным глаголом.

В языке имеют широкое распространение деепричастия, оформленные аффиксом *-урэ // -уэрэ*: *Ей, дыпсалгь-урэ дакьыкГэроху* (Б.Хь.). «Послушай, разговаривая, мы опаздываем». *Хьэмцласэ щатэ-урэ Зураб дежкГэ пльащ* (М.Б.). «Хамчаса, вздыхая, посмотрела в сторону Зураба». Данный аффикс в специальной литературе выделяется как отдельный словообразовательный эле-

мент, с помощью которого деепричастия образуются от глаголов [Грамматика кабардино-черкесского литературного языка, 1957: 136]. По нашему мнению, собственно суффиксом деепричастия является не **-урэ (-уэрэ)**, а **-у (-уэ)**. Элемент **-рэ** входит в состав данного словообразовательного аффикса только для передачи темпоральности действия наряду со значением добавочности: *Уэ гунсысэм уихь-урэ нэхур кьыптеицхьац* (Ш.Хьу.). «Пока ты находилась в долгих раздумьях (букв.: ты находясь в долгих раздумьях), наступило утро». В пользу этого положения можно привести такое явление в исследуемом языке: для образования деепричастия суффикс **-у(-уэ)** в сочетании с элементом **-рэ** присоединяется чаще всего к основам динамических глаголов. Например: *Дэ ныжэбэ шыла гу Гэуэляуэм дрипсалъэ-у-рэ дыдэкIац* (Щ.Б.) «Поговаривая о ночном шуме арбы, мы вышли со двора». Выделенную деепричастную форму можно заменить без ущерба для семантики на форму без элемента **-рэ**: *дрипсалъэ-у*, поскольку именно эта форма передает значение добавочного действия. Элемент **-рэ** вносит в содержание словоформы значение длительности, повторяемости добавочного действия.

От вышеописанного суффикса несколько отличается непродуктивный суффикс **-рэ**, который считается функционально тождественным суффиксу **-урэ**. Но, в отличие от суффиксов **-у // -уэ** или **-урэ**, в употреблении аффикса **-рэ** есть важное своеобразие. Особенность функционирования данного аффикса заключается в том, что он может быть употреблен только в предложениях, в состав которых входят парные обстоятельства, выраженные парными деепричастиями, парными деепричастными оборотами, наречием и деепричастием (деепричастным оборотом). При этом постпозитивный компонент в этой паре должен быть оформлен суффиксом **-у // -уэ**: *Лым дичьхри ХьэIагуэ и ерыскьым ельэпэуакьым, зы жэци адыгэ унагьуэ нэху кьыцекIац, хьыджэбэхэр кьыхуаши-рэ джэгу хуацI-у* (М.С.). «Мужчина уступил и не побрезговал хлебом-солью Хачаго, погостил одну ночь в адыгском доме, где устроили ему достойный прием, приводя девушек и организовывая танцы». В деепричастных конструкциях описываемого типа данный суффикс обозначает не последовательность, а одновременность действий, выраженных сказуемыми.

Элементы **-и** и **-ри** в словоформах типа *еплэри* «посмотрел и», *шэри* «сел (на коня) и», *сыши* «отвези и» являются, вопреки мнению Х.Э. Дзасежева и Х.З. Гяургиева, не суффиксами, образующими деепричастия от глаголов, а союзными суффиксами, соединяющими в предложении однородные сказуемые. Они обозначают действия, предшествующие действию, выраженному вторым финитным глаголом.

По мнению Х.Э. Дзасежева, Х.З. Гяургиева, Н.Н. Зекорева, наряду с образованием деепричастных форм путем оформления глагольной основы аффиксами **-у // -уэ**, деепричастия в кабардино-черкесском языке образуются от глаголов и с помощью аффиксов **-мэ // -тэмэ**, **-ми // -тэми**, а следовательно, имеющие место в кабардино-черкесском языке придаточные предложе-

ния со словоформами на *-мэ // -тэмэ* или *-ми // -тэми* должны рассматриваться не как предложения, поскольку словоформы на *-мэ // -тэмэ*, *-ми // -тэми*, будучи деепричастиями, а не глаголом, не обладают предикативностью. Они считают, что подобные конструкции являются всего лишь распространенными членами простого предложения [Дзасежев, 1969; Гяургиев, Дзасежев, 2008, Кабардино-черкесский язык, 2006: 524]. Вместе с тем, исследования, проведенные в данном направлении другими лингвистами-адыговедами [М.Л. Абитов, Х.У. Эльбердов, А.К. Шагиров, А.М. Камбачоков и др.], не подтверждают справедливость выводов указанных выше авторов по данному вопросу. Придерживаясь мнения последних, мы считаем словоформы, в структурах которых находятся суффиксы *-мэ // -тэмэ*, *-ми // -тэми*, не деепричастиями или деепричастными оборотами, поскольку они оформляются указанными аффиксами, выражающими предикативность точно также, как и суффиксами предикативности *-ц, -т, -кьым*, т.е. глагольные словоформы с суффиксами *-мэ // -тэмэ*, *-ми // -тэми* в составе предложения мы должны рассматривать не как «распространенные его члены», а как финитные глаголы в условном, уступительном наклонениях, выполняющие в составе различных типов придаточных предложений функцию сказуемого.

Большое разнообразие конструкций адыгских предложений обеспечивается значительным количеством синтаксических оборотов, к которым относятся и деепричастные обороты, употребляемые в предложении в зависимости от выполняемых стилистических функций как препозитивно, так и постпозитивно по отношению к сказуемому. Деепричастные обороты в кабардино-черкесском языке образуются путем сочетания деепричастий с зависимыми словами, представляющими собой словоформы различных частей речи, что позволяет выделить следующие структурные типы таких сочетаний: «существительное + деепричастие»; «местоимение + деепричастие»; «причастие + деепричастие»; «наречие + деепричастие»; «деепричастие (деепричастный оборот) + деепричастие». Образование деепричастных оборотов по типам «прилагательное + деепричастие» и «числительные + деепричастие» для языка не характерно. Деепричастный оборот по указанным двум типам может быть образован только при субстантивации имени прилагательного или числительного: *Хужьхэм езауу Хьэмырзэ Царицын пэгъунэгъуу шуудзэм къулыкъу циицIэрт*. «Воюя с белыми, Хамирза нес службу в кавалерии недалеко от Царицына». *Ещанэми цхьэпрыкIауэ цIалэр зэдэжэр циху цIыпIэм хуэблагьэрт*. «Обойдя и третьего, юноша приближался к финишу (букв.: к месту окончания забега)».

Наряду с отдельными словоформами, деепричастия, образуя деепричастный оборот, сочетаются со словосочетаниями: *Зауэм сыникIыжмэ, сэ къуажэм сыныдыхьэжынуц си шы къарэ дахэм сьтесу, си бгьэм хэлъ дамыгьэхэр зэцIэлыдэу* (Гу.ж.). «Когда вернусь с войны, я заеду (к вам) в село, сидя верхом на своем красивом вороном коне и (чтобы) переливаясь награды на моей груди».

В третьей главе «Синтаксические функции деепричастия» исследуются синтаксические отношения и синтаксические связи деепричастия с соотносительными словоформами, функции деепричастия в составе простого и осложненного предложений, проблемы дифференциации деепричастного оборота и придаточного предложения в кабардино-черкесском языке.

Деепричастие, будучи особой формой инфинитного глагола, обладающей рядом важнейших вербальных свойств, способен вступать с соотносительными словоформами в субъектные, объектные, субъектно-объектные и обстоятельственные отношения. При этом субъектные отношения возникают между деепричастием и сочетающимся с ним субъектом действия или носителем состояния: *цIалэр еджэу* «юноша читая», *сабийр джэгуу* «ребенок играя». Объектные отношения характерны для сочетаний типа «деепричастие + объект действия». В этом случае в зависимости от типа производной основы глагола (транзитивный или интранзитивный), от которого произошло деепричастие, сочетающийся с ним компонент может быть как прямым, так и косвенным объектом: *пэшы-р* (объект в именительном падеже) *зэлыIуихыу* «субирая комната», *тхылъы-м* (объект в эргативном падеже) *еджэу* «читая книгу».

Субъектно-объектные отношения наблюдаются в синтаксических конструкциях, в которых деепричастие от транзитивного или интранзитивного глагола, будучи стержневым компонентом, сочетается одновременно с субъектом и объектом действия. В первом случае субъект будет находиться в форме эргативного, объект или объекты – в форме именительного и косвенного падежей: *пцацэ-м* (субъект в форме эргативного падежа) *тхылъы-р* (объект в форме именительного падежа) *кыщтэжауэ* «девушка забрав книгу». Во втором случае субъект будет оформлен аффиксом именительного, а объект – аффиксом одного из косвенных падежей: *цIалэ-р* (субъект в форме именительного падежа) *тхылъы-м* (объект в форме эргативного падежа) *еджэу* «юноша книгу читая». Это обусловлено тем, что транзитивный глагол, как и образованное от него деепричастие, управляют субъектом и объектом, диктуя субъекту действия (или носителю состояния) форму эргативного, объекту – форму именительного падежа. При наличии в конструкциях одновременно прямого и косвенного объектов, второй наделяется формантом одного из косвенных падежей. Деепричастие от интранзитивного глагола также управляет субъектом действия и объектом, диктуя первому форму именительного, второму – форму одного из косвенных падежей.

Деепричастие наряду с основной, подчинительной связью, может сочетаться с другими членами предложения и посредством факультативной – сочинительной связи. В ряду однородных членов деепричастие выступает на правах равноправного компонента.

Однородные деепричастия либо деепричастия и наречия могут сочетаться с помощью одинарных или повторяющихся соединительных союзов, противительных и разделительных союзов.

В подчинительных типах словосочетания деепричастие может сочетаться с соотносительными компонентами посредством управления, согласования или примыкания. Изменяясь по лицу субъекта и объекта, оно координируется с этими же компонентами в лице и числе. При этом одноличные непереходные деепричастия согласуются с субъектом; двухличные непереходные и переходные деепричастия – с субъектом и объектом; трехличные и четырехличные деепричастия – с субъектом, прямым и косвенными объектами.

Между деепричастием и субъектом действия, а также деепричастием и объектами существует двойная взаимонаправленная соподчинительная синтаксическая связь: управление и согласование. При управлении деепричастие, как стержневое слово, управляет субъектом и объектами. При согласовании оно, будучи зависимым компонентом, согласуется с субъектом и объектами в лице и числе.

В синтаксических конструкциях, в которых сочетаются наречие и деепричастие, сравнительный оборот и деепричастие, зависимое деепричастие и главное деепричастие, устойчивые фразеологические конструкции и деепричастие, зависимые слова примыкают к деепричастию.

При сочетании со сказуемым деепричастие, будучи зависимым компонентом, примыкает к нему: *Сэ с-ытхауэ-# укъэсац* – «Ты прибыл, когда я закончил писать (букв.: Я закончив писать (ты) прибыл)».

Деепричастия в позиции зависимого компонента функционируют в глагольных, атрибутивных, наречных словосочетаниях на правах примыкающего компонента.

Деепричастие, обладающее свойствами глагола и наречия, одновременно выполняет в предложении две функции: обозначает образ, время, причину, меру и степень действия, выражаемого глаголом-сказуемым, и выражает добавочное действие предмета, названного в подлежащем. При этом первичной синтаксической функцией деепричастия как в современном русском, так и в кабардино-черкесском языке, правомернее признать функцию обстоятельства. В этом отношении нам представляется справедливой точка зрения В.В. Бабайцевой, согласно которой значение добавочного (второстепенного) сказуемого у деепричастий в современном русском языке является дополнительным: основным в их семантике является значение обстоятельства [Бабайцева, 1979: 172].

Из всех разрядов обстоятельств деепричастие и деепричастный оборот в кабардино-черкесском предложении представляют обстоятельства образа действия, времени, причины, меры и степени. Обстоятельства образа действия, для усиления выражаемого ими значения, могут быть представлены двоякими деепричастиями одной и той же основы, спаренными деепричастиями разных основ, двумя, реже – тремя и более деепричастными оборотами.

В языке существуют конструкции, близкие к деепричастному обороту, являющиеся по сути эквивалентами деепричастного оборота, но в которых отсутствует самое деепричастие. Функцию последнего выполняют аффиксы -

у//**-уэ**, которыми оформляется последнее из зависимых слов в составе деепричастного оборота: *Зы тэлай дэКри, дыгьэр си ихьэцигы-у зы гьуэгу бгынэжа гьуэрымкIэ дээдзыхащ* (Щ.А.). «Через некоторое время (я) под палящим солнцем свернул к какой-то заброшенной дороге (букв.: Через некоторое время (я) с солнцем над головой свернул к какой-то заброшенной дороге)».

В предложении отсутствует деепричастие **иту** – «стоя». Оно замещается элементом **-у** в составе словосочетания **си ихьэцигы-у** [Камбачоков, 1997: 205].

В качестве обстоятельства образа действия нередко используются фразеологизмы, выраженные деепричастными оборотами. При этом деепричастие в структуре наречно-обстоятельственных фразеологизмов формально является господствующим компонентом: *ИумIыр зэтедзауэ* «сложена руки»; *Иусыр кьыжьэдэпхьэпхьыу* «с пеной у рта»; *Иэцхьэльацхьэр дэхьеяуэ* «засучив рукава»; *зым Iэпыхур адрейм кьичтэжу* «рука об руку». Такие конструкции чаще находят применение в текстах художественной литературы или в устной речи.

Обстоятельства образа действия и обстоятельства меры и степени, выраженные деепричастиями и их оборотами, по своей семантике настолько близки, что вне контекста они часто не поддаются дифференциации: *А лыжьь Iуцым и деж кьаКлуэурэ цьыхухэм я чэнджэщ ирахьэллэрт*. «Люди (часто) приходили к этому мудрому старику за советом (букв.: К этому мудрому старику приходя (часто), люди брали совет)».

В адыговедении существует мнение, согласно которому определение может быть выражено деепричастием или его оборотом. Между тем, словоформы с элементом **-уэ // -у**, встречающиеся в синтаксической позиции определения, являются не деепричастиями, а причастиями с выделительным формантом **-уэ // -у**. Под одной формой в языке сосуществуют две разновидности отглагольных образований с совершенно различными синтаксическими функциями: причастия, оформленные выделительными аффиксами **-уэ // -у**, (так называемые псевдодеепричастия), назначение которых – обозначение различных признаков определяемых имен будучи в составе атрибутивной синтагмы в качестве зависимого компонента; и деепричастия, относящиеся к группе сказуемого и занимающие синтаксическую позицию различных рядов обстоятельств в предложении. Наличие в языке таких синтаксических омонимов в значительной степени затрудняет определение статуса каждого из них: который из них определение, а который – обстоятельство. В предложениях, где рассматриваемые компоненты четко соотносятся с глаголом, они являются обстоятельствами: *Сосрыкьуэ жьэгум дэст, дэным ириджэгуу* (Н.). «Сосруко сидел у очага, играясь угольками». В синтаксических конструкциях, в которых они однозначно соотносятся с именами, являются определениями: *Абы иIэт щай дэмылэу зы бохьшэжь, цIутI кьимыкIыу зы пшынэжь* (А.т.). «У него были старый кошелек без гроша, старая гармонь без клавиш». Вместе с тем, в языке нередко встречаются предложения, в которых синтак-

сические обороты исследуемого типа можно одинаково соотносить как с именами, так и с глаголом: *Ину псалъэу зы лы гуэр клубым кыщлыхъащ*. В приведенном примере сочетание словоформ *ину псалъэу* можно соотносить с именем существительным *лы* «мужчина», но возможно и сочетание его с глаголом *кыщлыхъащ* «зашел». В первом случае предложение будет выражать понятие «В клуб зашел некий громко разговаривающий мужчина». Во втором – «В клуб зашел некий мужчина, громко разговаривая». Семантику таких предложений безошибочно можно определить только исходя из контекста.

Как и в случае с определением, в языке нередко встречаются дополнения, выраженные словоформами или синтаксическими конструкциями, оформленными аффиксом *-у // -уэ* и с формальной стороны ничем не отличающимися от деепричастия или деепричастного оборота: *Нобэр кыздэсым си флэщ хьуркьым абы нэхь ерыскьы ИзфI стухуауэ* (М.Б.). «До сих пор мне не верится, что съел что-либо вкуснее этой пищи». Исходя из их формальной близости, часть исследователей считает их, действительно, деепричастиями и деепричастными оборотами. Между тем, словоформы, внешне напоминающие деепричастие и употребляющиеся в роли дополнения, являются отглагольными именами в форме обстоятельного падежа. Помимо одинакового оформления, отглагольные имена сближает с деепричастиями и то, что в деепричастии и в отглагольном имени существительном заложено действие. Однако это действие в отглагольном имени выражается и воспринимается как предмет, а в деепричастии – как процесс.

Таким образом, ни определение, ни дополнение в кабардино-черкесском языке не выражаются деепричастием или деепричастным оборотом. Словоформы с элементом *-уэ // -у*, встречающиеся в синтаксической позиции определения и дополнения, являются не деепричастиями, а их омонимами.

Деепричастие, будучи непредикативной инфинитной формой глагола, тем не менее, может занимать синтаксическую позицию простого сказуемого в предложениях причастной конструкции: *Уэ мэкъу узэреуэр угъэшауэщ*. «Ты косишь траву согнувшись (букв.: Метод твоей косьбы травы согнувшись (есть))». Это обусловлено тем, что в западно-кавказских языках, характеризующихся высокой степенью морфологического синтеза членов предложения, логический предикат грамматически выражается не только отдельными членами предложения, но и каждым его членом. Позицию подлежащего в таких конструкциях неизменно занимают причастие либо причастный оборот. Сравн.: *Ар* (подлежащее) *нобэ* (обстоятельство времени) *кьэжгуэжауэ* (деепричастие-обстоятельство образа действия) *матхэр-#* (глагол-сказуемое). «Он сегодня вернувшись пишет». *Ар* *нобэ зэрытхэр* (причастный оборот-подлежащее) *кьэжгуэжауэ-иц* (деепричастие-сказуемое). «То, как он сегодня пишет (букв.: манера его письма сегодня) вернувшись (есть)». В последнем примере иллюстрируется тот случай, когда деепричастие в предложении употребляется в роли простого сказуемого.

Описываемые типы предложений причастной конструкции стилистически маркированы, и применяются адресантом речи для заострения внимания адреса-

та на самом важном, с точки зрения информирующего, компоненте суждения, который становится, по определению Л.В. Щербы, логическим предикатом.

Деепричастие может выступать и в качестве основного компонента составного сказуемого. Функцию вспомогательного компонента при этом выполняют глаголы *мурад щӀын* «задумать», *лӕкӀын* «мочь», *хъун* «быть возможным», *хуежсьэн, щӀэдзэн, егъэжсьэн, ублэн* «начать, приступить», местоимение *ар* и др., определяющие различные субъектно-модальные отношения субъекта к действию, заключенному в основном компоненте: *Махуищ нэхъ дэмыкӀыу уӀэгъэр кӀыжу хуежъащ*. «Не более чем дня через три рана начала затягиваться». *Дуней беижъхэм я зауэм щӀыр игъэхъейуэ щӀидзащ* (Гу.ж.) – «Война мира богачей стала трясти землю».

Сложное сказуемое в кабардино-черкесском языке представлено различными синтаксическими (в том числе и деепричастным) оборотами. Как и при указанном выше случае выражение сказуемого одиночным деепричастием, в предложениях с деепричастным оборотом-сказуемым в качестве подлежащего выступает либо причастие, либо причастный оборот: *ЕхынӀэм узрехыфы-р шыр ӀумпӀэкӀэ пӀыгъыуэ* «Спуститься по круче можно только держа коня под уздцы (букв.: Способ спуститься по круче только держа коня под уздцы (есть))».

Деепричастие и деепричастный оборот в кабардино-черкесском языке применяются в роли однородных, обособленных членов и вводных конструкций, осложняя простое элементарное предложение.

На формирование семантики однородного ряда деепричастий оказывают влияние наличие или отсутствие в ряду союзов, принадлежность их к конкретному морфологическому разряду и лексико-грамматическое значение самих деепричастий и деепричастных оборотов в составе ряда.

В языке имеют место обособленные деепричастные обороты: а) синтаксически связанные между собой и подчиненные одному главному члену: *Пӕж дыдӕу, и нэм щӀӀуэтыхъу, и щхъэц зэхэзрыхъахэр ӀӕпӀӕ дрижъейуэ прорабыр абыхэм ябгъэдыхъэрт* (М.Б.). «И впрямь, протирая глаза, расчесывая пальцами взлохмаченные волосы, прораб приближался к ним»; б) связанные последовательно друг с другом подчинительной связью, но только первый из которых подчинен глаголу: *Хъэмац щӕтац и Ӏӕхъуамбӕшхуэр жьӕпкъым щӀигъэкъуауэ стаканым иплӕуэрэ* (М.Б.). «Хамац вздохнул глядяваясь в стакан уперев подбородок о большой палец руки»; в) относящиеся к одному глаголу-сказуемому, но не связанные между собой: *И ныбжъэгъум и дӕж щыхъэщӀауэ Мурадин къуажэм кыкӀыжъырт, зрылгъӕкӀӕ машинэр игъӕпӀащӀӕу*. «Погостив у друга, Мурадин возвращался из села, что есть мочи подгоняя машину».

Обособление деепричастия играет значительную роль в стилистической организации речи: оно способствует передаче тончайших оттенков смысла, подчеркивая особую значимость тех или иных деталей, подлежащих

передаче реципиенту в процессе повествования в яркой, запоминающейся форме.

В заключительной части диссертационной работы подводятся итоги проведенного исследования, которые сводятся к следующему. Деепричастие кабардино-черкесского языка обладает достаточно важными морфологическими категориями, сближающими его со знаменательными частями речи. Тем не менее, оно остается только особой формой глагола, поскольку ограниченность указанных категориальных значений деепричастия не дает основания относить его к самостоятельным частям речи. По своему формальному выражению, а нередко и по семантике деепричастия сближаются с наречиями. Но объединению деепричастия с наречием препятствуют различное их происхождение, словоизменительные особенности, наличие процессуального признака действия у деепричастия и отсутствие такового у наречия.

Основным общеадыгским аффиксом, с помощью которого образуется деепричастие, является суффикс **-у/-уэ**, которым оформляются основы статических и динамических, переходных и непереходных глаголов.

Между деепричастием и соотносящимися с ним словоформами устанавливаются субъектные, объектные, субъектно-объектные и обстоятельственные отношения. С субъектом и объектами действия деепричастие связано двойной взаимонаправленной соподчинительной синтаксической связью: управлением и согласованием.

Деепричастие и деепричастный оборот в составе кабардино-черкесского предложения занимают синтаксические позиции обстоятельства образа действия, времени, причины, меры и степени. С целью усиления значения, выражаемого обстоятельством образа действия, оно может быть представлено сдвоенными деепричастиями одной и той же основы, спаренными деепричастиями разных основ, двумя и более деепричастными оборотами.

Ни определение, ни дополнение в кабардино-черкесском языке не выражаются деепричастием или деепричастным оборотом. Словоформы с элементом **-уэ // -у**, встречающиеся в синтаксической позиции определения и дополнения, являются не деепричастиями, а их омонимами: в первом случае причастиями с выделительным формантом **-уэ // -у**, во втором – отглагольными именами с зависимыми словами в форме обстоятельственного падежа.

Деепричастие, будучи непредикативной инфинитной формой глагола, тем не менее, может занимать синтаксическую позицию простого и сложного сказуемого в стилистически маркированных предложениях причастной конструкции, специально конструируемых для заострения внимания адресата речи на самом важном, с точки зрения информирующего, компоненте суждения, который и становится логическим предикатом. Деепричастие также может выступать в качестве основного компонента составного сказуемого.

Осложняя простое элементарное предложение, деепричастие и деепричастный оборот могут выступать в роли однородных, обособленных членов и вводных конструкций.

Глагольные словоформы с суффиксами *-мэ // -тэмэ, -ми // -тэми* являются не деепричастиями, а финитными глаголами в различных наклонениях, выполняющими в составе придаточных предложений функцию сказуемого. Указанные аффиксальные морфемы выражают временные, условные, пространственные и иные отношения.

Деепричастие (деепричастный оборот) не может выполнять функции придаточного предложения независимо от наличия или отсутствия у деепричастия собственного субъекта, поскольку ни деепричастие, ни деепричастный оборот не обладают предикативностью.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы видятся в проведении всестороннего и глубокого анализа экспрессивно-стилистических особенностей функционирования деепричастия в кабардино-черкесском языке, поскольку деепричастие, обладающее по своей природе способностью выражения свойств и глагола, и наречия, при умелом использовании его грамматических возможностей (способность формирования собственного синтаксического оборота, обособления, участия в градационном ряду, наличие полупредиката и др.) становится незаменимым инструментом для создания яркого, запоминающегося образа объекта речи в повествовании.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Хашхожева З.Т. Некоторые способы образования деепричастия в кабардино-черкесском языке // Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 19 (45). – С. 278–284.

2. Хашхожева З.Т. Функциональный статус кабардино-черкесских образований на *-ри, -мэ, -ми, -кIэрэ, -и* // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 1. – С. 75–77.

3. Камбачоков А.М., Хашхожева З.Т. К вопросу о семантико-грамматических особенностях деепричастия в кабардино-черкесском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – 2017. – Т. 2. – С. 52–58.

Монография:

1. Камбачоков А.М., Хашхожева З.Т., Бетуганова Л.З. Морфологические особенности и синтаксические функции причастия, деепричастия и инфинитива в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2016. – 79 с.

Публикации в сборниках материалов научных конференций и других изданиях:

1. Хашхожева З.Т. Адвербиальные признаки деепричастия в кабардино-черкесском языке // Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия: материалы международной научно-практической конференции. – Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 2009. – С. 451–453.
2. Хашхожева З.Т. Глагольные признаки адыгского деепричастия // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VI международной научной конференции. – Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 2008. – С. 335–338.
3. Хашхожева З.Т. К вопросу о функционировании сравнительных оборотов в кабардино-черкесском языке // Особенности функционирования государственных языков в билингвальной среде: материалы международной научно-практической конференции. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2014. – С. 163–169.
4. Хашхожева З.Т. К истории изучения деепричастия в адыгских языках // Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения К.Ш. Кулиева. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2008. – С. 108–111.
5. Хашхожева З.Т. Некоторые вопросы функционирования аффикса -у // -уэ // -эу в кабардино-черкесском языке // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2006. – С. 77–78.
6. Хашхожева З.Т. Некоторые структурно-семантические особенности фразеологических единиц с деепричастным компонентом // Актуальные проблемы исследования государственных языков и их преподавание в республиках Северного Кавказа: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной памяти педагогов Н.А. Багова и А.Ж. Будаева. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2012. – С. 200–202.
7. Хашхожева З.Т. Особенности изучения кабардино-черкесского деепричастия в вузе // Проблемы обучения родным языкам в условиях полиэтнического общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2008. – С. 145–150.
8. Хашхожева З.Т. Особенности использования и функционирования фразеологизмов в произведениях А.П. Кешокова // А.П. Кешоков: творческая личность в поликультурном пространстве: материалы международной научно-практической конференции – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2015. – С. 147–150.
9. Хашхожева З.Т. Синтаксис кабардино-черкесского деепричастия // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы международной научной конференции. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2010. – С. 243–248.

10. Хашхожева З.Т., Таов Х.Т. Некоторые вопросы дополнительной деепричастной конструкции // Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы: материалы международной научной конференции. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2003. – С. 217–218.

11. Хашхожева З.Т., Таов Х.Т. Некоторые вопросы морфологии деепричастия // Проблемы развития языков и литератур народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2004. – С. 82-84.

12. Хашхожева З.Т., Таов Х.Т. Некоторые особенности функционирования деепричастия в адыгских языках // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы всероссийской научной конференции. – Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 2001. – С. 164.

13. Хашхожева З.Т., Таов Х.Т. Функционирование деепричастия в фразеологических единицах кабардинского языка // Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность: материалы Всероссийской научной конференции. – Карачаевск: Издательство Карачаево-Черкесского государственного университета, 2004. – С. 211–215.

В печать 10.11.2017. Тираж 100 экз. Заказ № 211 .

Отпечатано в типографии «Принт Центр»
г. Нальчик, пр. Шогенцукова, 22
www.printcentr07.ru
тел.: 8-928-721-80-23; 8-903-491-7893
e-mail: msanuar@mail.ru